

Л. С. Клейн

Ученый, учитель, ученик

В малотиражном сборнике появилась рецензия С. П. Щавелёва (2012) на мои мемуары. Рецензия в общем хвалебная, даже очень хвалебная (я и прогрессор, и железный человек, и сотворец истории), а отдельные неточности и шпильки в мой адрес можно было бы не замечать. Тем более что рецензент сам объясняет это — «чтобы и мой отзыв не показался панегирическим» (с. 199). Ну, пишет он обо мне «сын врача Соломона Клейна», и тут же называет меня «Самуилович», и восхищается, что я не стал русифицировать это отчество (если уж быть точным, то я поступил наоборот: сменил свое отчество «Станиславович» на «Самуилович» — из чувства протеста). Ну, пишет он, что я учился «на медные деньги». Это трогательно, но шаблонно и неточно: я не шиковал, жил скромно, но происходил из состоятельной семьи.

Шпильки не замечать труднее. Неудачной шпилькой могу признать такое его высказывание: «я сомневаюсь, в частности в том, что Лев Самуилович был в таком уж авторитете на зоне, как он расписывает» (с. 196). А ведь «расписывал» свой статус в очерках и книге, вышедшей большими тиражами вскоре после освобождения. Вместе со мною выходили на свободу мои многочисленные солагерники, если бы я соврал, меня бы тотчас разоблачили. Между тем они связывались со мной, писали мне письма (некоторые опубликованы в моей книге «Перевернутый мир»).

Другая шпилька — о моем пребывании на философском факультете (родном для рецензента) после лагеря: «Они взяли его, что называется, с улицы, безработного с непогашенной судимостью, без степеней и званий, на профессорскую должность, а он взял да укатил с гастрольными лекциями за рубеж...» (с. 197). Простите, все участники событий

и свидетели живы. Я поступил на философский факультет сразу же *после* преподавания в английских, немецких, датских и австрийском университетах, поступил (в 1994 г.) *после* защиты докторской (в 1993 г.), по приглашению декана Солонина, который пришел сделать это приглашение ко мне домой. При этом было оговорено, что я продолжу ездить за рубеж, оставив вместо себя замену (у меня уже была договоренность о преподавании в Венском университете). Я очень благодарен профессору Солонину за его приглашение, за терпимость и за последующее мое продвижение. Но всё было не так, как подозревает рецензент, а так, как я описываю в мемуарах.

Неверен и результат эпизода с заменой. Рецензент приводит мои слова: «Почел за лучшее подать заявление об уходе» и добавляет в скобках: «уже будучи уволенным, я думаю, за прогулы» (с. 197). Не было никаких прогулов, не было и увольнения за них. Пусть рецензент обратится на факультет, где в архиве, наверное, сохранилась документация тех лет.

Всё это личные незаслуженные обиды, но у моих разногласий с рецензентом есть и более общий интерес. Мой рецензент придерживается других взглядов на соотношение ученого со своими учителями и учениками. А это вопрос о важной стороне формирования научных школ и их выявления. Кого ученый вправе считать своим учителем? Кого — своим учеником? Вопрос этот, по видимости, маловажный, связанный лишь с административной оценкой действенности и влияния научных кадров (кому платить надбавку за эффективность, кого выбирать в Академию наук), порою приводит к резким столкновениям амбиций, к длительным ссорам ученых, к расколу научных школ. Бывает, разгораются целые баталии за привилегию считаться

учеником престижного ученого. Или за право считаться учителем и другом покойного талантливого ученого, отказывая в этом другим претендентам. Той аудитории, к которой я обращаюсь, эта ситуация хорошо знакома.

Мой рецензент далек от этих мотивов. Он просто хотел хоть чем-нибудь уязвить мемуариста. Но вторгся в весьма болезненный клубок отношений. Кто чей ученик, кто чей учитель...

Если подходить формально, то эта связь определяется назначением научного руководителя. Но у меня очень долго не было степеней и званий, и официально я не мог руководить теми, кто у меня реально учился. Зато у меня был постоянный творческий семинар, где студенты и аспиранты занимались годами, который выпускал труды, было общение с ними в моих экспедициях. А как быть с теми, кто даже не слушал моих лекций, но увлекся моими книгами и статьями, освоил мои научные принципы и идеи и считает себя моим учеником? Точно так и я сам по отношению к своим учителям.

Рецензента совершенно не устраивает то, что я считаю своим учителем профессора В.Я. Проппа. «На том основании, что тот дал положительный отзыв о его контрольной работе студента-заочника, а к отзыву добавил двухстраничное письмо с разбором достоинств и недостатков этой работы... Но при чем тут учительство и ученичество? Сколь долго и по существу ли они потом общались?» (с. 199). А то, что я с восхищением слушал изумительные лекции Проппа — не учитывается? А то, что весь год я работал над тем, что мне задал Пропп? Тогда у меня не было иного образца, кроме Проппа. Что он-то и посоветовал мне перевестись на археологию. Что я затем, учась археологии, ходил на занятия к Проппу и вообще на филологический факультет (до 4-го курса там и сдавал экзамены). Что Пропп после окончания мною университета пригласил меня в свою аспирантуру и жалел, что я не стал туда поступать. Но главное — я читал всего Проппа, изучал его методику, следовал его идеям. Да, конечно, я учился археологии у Артамонова, восхищался Равдоникасом (слушал, скорее, его доклады, чем лекции), разумеется, вместе с сокурсниками внимал Грязнову. Всё это мои учителя, а Артамонов еще и научный руководитель. Но моим первым университетским учителем был Пропп. Каким именно идеям Проппа я следовал, я описал в мемуарах.

Щавелеву кажется, что он лучше меня может определить, кого мне считать и кого

не считать своим учителем. Образцовым учеником Проппа он считает Ю.И. Юдина — тот у Проппа писал диплом, кандидатскую и докторскую по фольклору. И Пропп считал его сильным докторантом. Тут Щавелев делает любопытное примечание: «Хотя по сути их с И.Я. Фрояновым оценок русского героического эпоса от установок Проппа они ушли далеко» (с. 200). Думаю, так «далеко», что Пропп вряд ли признал бы в Юдине своего ученика.

Точно так же рецензент не позволяет мне определять, кого считать моим учеником. «Совсем уж щедрой рукой мемуарист вербует себе учеников» (с. 200). Большинство из них, признает рецензент, и сами подойдут «под знамена» Клейна. Но вот М.Б. Щукина Клейн именует своим учеником. А сам Щукин в одном из своих трудов в 2005 г. пишет: «Моими учителями были М.И. Артамонов, М.А. Тиханова». Верно, это были его официальные научные руководители. Щавелев полагает, что Щукин этим дал понять, что других учителей у него не было. Между тем, на моем экземпляре своей книги 1994 года Щукин написал коротко «Дорогому учителю». На своей популярной книжке 1991 года Марк написал: «Дорогому Льву Самойловичу в память о давних разговорах со студентом-первокурсником о методике и популяризаторстве. Тогда зародилась эта книжка. Марк». Когда я ввел в археологию понятие секвенций, мало кто его принял. Марк озаглавил свою большую работу «Тринадцать секвенций», а через него это понятие стал применять его семинар.

Щавелев мог бы найти и лучшие примеры для отсекаания моих учеников. Взять, например, покойного И.В. Дубова. Я оценил при приеме в Университет цепкость и энтузиазм этого невзрачного паренька, который дважды не прошел конкурс, и я долго упрашивал секретаря партбюро М.Н. Кузьмина принять его на освободившееся место. Дубов оказался не только работающим, но и удачливым археологом. Он все пять лет работал у меня в Славяно-варяжском семинаре и всю жизнь отстаивал идеи, вынесенные из этого семинара. Оказался очень карьерным и проходным — вскоре по окончании учебы он был уже секретарем парткома всего Университета, тогда вторым лицом после ректора. Он издал книжку «Мои учителя». Там нет моей фамилии (это естественно: к тому времени я уже был недавно выпущенный зек), но нет и его друга Глеба Лебедева (моего ученика), который был также его учителем — корпел

вместе с ним над его диссертацией, над совместной книгой. Но Глеб затем был уволен из Университета. У Дубова оказались другие учителя. Считать ли мне Дубова учеником? Если я считаю других активных участников моего семинара своими учениками, то и Дубова должен считать. Ответственность за его подготовку — на мне.

Другие мотивы не считать себя моим учеником у А. Д. Резепкина. Я-то его таковым называл. Он признает, что многому у меня научился, но полагает, что не имеет права числить себя моим учеником, так как я долго занимался катакомбной культурой, а он занялся дольменами Кавказа. Осваивал их сам. Это та самая логика, по которой я не должен был бы называть себя учеником Проппа: он занимается фольклором, а я археологией. Но я полагаю, что у меня Резепкин и получил те идеи, которые облегчили ему занятия любой археологической культурой, особенно с европейскими аналогиями. У меня же он получил и первые полевые навыки. Из моих занятий с ним у меня выросла одна моя печатная работа («Полевой дневник»). Наверное, Резепкину стоит учесть разные переходные фазы от влияния до ученичества, разные понимания ученичества и полнее рассмотреть свои собственные генетические связи в этом плане. Это позволит лучше определить истоки своих идей.

Противоположную позицию занял уссурийский исследователь каменного века В. А. Лынша. Он проходил аспирантуру на нашей кафедре, слушал мои лекции, работал в семинаре, увлекся моими теоретическими идеями и постарался применить их к своей специальности — мезолиту. Он декларирует себя как мой ученик, хотя я никогда не был его научным руководителем.

Есть и такие исследователи, относительно которых я колеблюсь, вправе ли я считать их своими учениками, хотя некоторое влияние на них я, несомненно, оказал. Таким был В. А. Сафронов, автор «Индоевропейских прародин». Он активно занимался в моем семинаре бронзовым веком, но дело не в том, что у него был формально другой научный руководитель (руководителем диплома как раз был я), а в том, что он пришел на кафедру и ко мне уже взрослым человеком, со сложившимися навыками работы, в значительной мере мне чуждыми. Мы много общались, он бывал у меня, я частенько бывал у него дома. Я способствовал созданию и опубликованию его первой крупной работы. Я был оппонентом дипломной работы у его жены и сорат-

ницы и был ближе к ее выводам, чем ее руководитель (о миграции ряда культур нашего бронзового века с запада). Володя был человеком увлекающимся и упрямым, отстаивал свои взгляды яростно и нажил немало врагов в Питере и Москве. Когда Володя переехал в Москву, я неизменно останавливался у него, бывая в Москве. Полагаю, что в основных идеях Сафронова — роли миграций, центрально-европейского очага и др. есть и влияния моих курсов бронзового века и методов археологии. Но кроме близких мне идей, в его работах порядочно заключений, которые я никак не мог принять.

Я придаю мало значения формальным показателям: кто был чьим научным руководителем. Когда я получил такую возможность, далеко не всех своих дипломников (аспирантов у меня официально так и не было) я могу считать своими учениками. Бывало и сугубо формальное руководство, когда я видел, что студент ничего не склонен у меня перенимать, и я не могу ему что-либо ценное дать. Сейчас бывают случаи, когда руководство сводится к тому, что руководитель ставит свою фамилию рядом с фамилией своего подопечного на выполненной работе. Еще чаще ученый пишет диссертацию за своего подопечного — иначе не вытянуть слабака и не выполнить план по диссертациям. Или необходимо сделать диссертацию для знатной персоны — полезно, а то и денежно иметь и такого ученика. Формально всё налицо: научное руководство, учитель, ученик. Только вот ученых на выходе мало.

Как мне представляется, определение связей учитель — ученик, конечно, должно учитывать представление ученого о том, кто его ученики, в еще большей мере — представление младшего поколения о том, кого они считают своим учителем. Но и то, и другое — лишь субъективные впечатления, важные, но не решающие. И те, и другие могут заблуждаться, подменять личными и временными настроениями коренные движения идей и знаний. Гораздо важнее взгляд со стороны, так сказать, взгляд историографа: кто из младшего поколения усвоил основные знания, навыки и принципы у кого из старшего поколения. Что их связывает в рамках школы и течения, связывает объективно.

Вот мой рецензент — историограф по преимуществу своих занятий. Ему бы встать на эту позицию! Хотя он и признает закономерность субъективного суждения мемуариста (с. 194—195), но я, автор мемуаров, старался взглянуть на эту проблему именно

с точки зрения историографа, каким я тоже являюсь (хотя и не по преимуществу).

«Получается, все студенты, которым я читал лекции — мои ученики? — удивляется

рецензент. — В каком-то широком смысле, пожалуй» (с. 200). Ну, это смотря как читал.

А по нынешним временам — и какие студенты, что они смогли и захотели усвоить.

Литература / References

Щавелев С. П. 2012. Участь прогрессора. В: Вдовин А. С., Тункина И. В. (ред.). *Евразийский археологический сборник. К 60-летию С. В. Кузьминых.*

Санкт-Петербург; Красноярск, 193—201.
Shchavelev, S. P. 2012. *In Evraziiskii arkheologicheskii sbornik.* Sankt-Peterburg; Krasnoiarsk, 193—201.

Статья поступила в номер 1 марта 2013 г.

Leo Klejn (Saint Petersburg, Russia). Professor, Doctor of Historical Sciences.

Leo Klejn (Sankt Petersburg, Rusia). Profesor, doctor în științe istorice.

Клейн Лев Самуилович (Санкт-Петербург, Россия). Профессор, доктор исторических наук.

E-mail: lsklejn@gmail.com